

НОВЫЙ КУРС РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР
(КОНЕЦ 1920-х – НАЧАЛО 1930-х гг.)

МАКАРОВ Ю. Н.

USSR RELIGIOUS POLICY NEW
COURSE (LATE 1920s – EARLY 1930s)

MAKAROV YU. N.

The article studies Soviet Union religious policy new course in late 1920s – early 1930s.

В статье рассматривается новый курс религиозной политики в Советском Союзе в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Keywords: religious policy, USSR, I.V. Stalin, Politbureau.

Ключевые слова: религиозная политика, СССР, И.В. Сталин, Политбюро.

УДК 93

Период относительного затишья на антирелигиозном фронте так называемого «религиозного НЭПа» завершился вместе с НЭПом экономическим. 2 марта 1927 г. Бюро ЦК ВЛКСМ, указав на то, что проблемы хозяйственного строительства неправомерно отодвинули на задний план задачи антирелигиозной работы, потребовало срочно исправить положение и усилить атеистическую пропаганду. В апреле 1927 г. «Комсомольская правда» заявила, что противоборство с религией в новых исторических условиях приобретает характер классовой борьбы, и призвала каждого члена ВЛКСМ стать воинствующим безбожником [1]. 27 июля 1927 г. Бюро ЦК ВЛКСМ [2], констатировав факт активизации «фронта религии» и совершенствования форм и средств религиозного воздействия на массы, вынуждено было признать известные успехи мировоззренческих противников среди «некоторых слоев трудящегося населения». В сентябре того же 1927 г., в беседе с представителями американских рабочих организаций, И. Сталин, в свойственной ему катехизисной манере вести разговор, на заданный самому же себе вопрос: «...Подавили ли мы реакционное духовенство?» – ответил, что «да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано» [3]. После этого, 22 ноября 1927 г., газета «Правда» устами Ем. Ярославского потребовала преодолеть ликвидаторские настроения в среде антирелигиозников, являвшиеся, по его словам, следствием неправильной трактовки соответствующих «мягких» резолюций XIII съезда партии, и устранить то ненормальное положение, при котором «Союз безбожников» в ряде областей фактически существует на полулегальном положении. «Новые богоборческие веяния» были аккумулированы в выступлении И.В. Сталина на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.), резко критиковавшего неких ответственных работников (конкретно не поименованных), допустивших ослабление антирелигиозной работы [4]. В апреле 1928 г. на собрании московского партактива И.В. Сталин, развивая тему наступления на

кулака, опять-таки увязал ее с необходимостью проведения «самой боевой антирелигиозной работы в массах»: «Мы предприняли вмешательство партии в заготовительную кампанию и удар по кулацко-спекулянтским элементам. ... Получилась в известной степени такая же комбинация, ... какая имела место в 1921 г., когда партия ... поставила вопрос об изъятии ценностей из церквей на предмет приобретения хлеба для голодающих. ... Дело в том, чтобы связать широкую массовую антирелигиозную кампанию с борьбой за кровные интересы народных масс и повести ее таким образом, чтобы она, эта кампания, была понятна для масс, ... была поддержана массами» [5].

Высказывания лидера были правильно поняты партийно-комсомольскими активистами. Уже 22 и 24 декабря 1927 г. «Комсомольская правда» поместила две передовицы под характерными заголовками: «Ударим по классовому врагу» и «На службе нэпмана и кулака (религия, попы, сектанты)». 6 июня 1928 г. Оргбюро ЦК КП(б)У, приняв специальное постановление «Религиозное движение и антирелигиозная пропаганда», призвало коммунистов учиться распознавать классового врага под религиозными одеждами, как бы он ни маскировался. Особое внимание акцентировалось на необходимости разоблачать реакционную суть мнимо-лояльной (перекрасившейся) части православного духовенства [6]. 10 декабря 1928 г. состоялось специальное заседание Оргбюро ЦК [7] под председательством Л. Кагановича, собравшееся с целью выработки конкретных мер, направленных на активизацию антирелигиозной работы [8]. Его участники наперебой говорили о «недопустимой терпимости» и «потере бдительности» партийными ячейками, о либеральничании НКВД и Главлита по отношению к классовому врагу, укрывающемуся за церковными вывесками; о слабом использовании политико-административных мер борьбы с религиозным влиянием, о том, что решение важнейшей политической задачи переложено исключительно на плечи «Союза безбожников», вместо того, чтобы навалиться на религию и церковь всем партийно-комсомольским миром. Раздавались призывы не моргать, выйти из окопов, бить по рукам, выкорчевывать и т.д. («Мы в сто раз пассивнее, чем буржуазные

революционеры Великой французской революции ...», – заявлял Ем. Ярославский).

Диссонансом в общем хоре прозвучали слова предостережения из уст члена Президиума ВЦИК П.Г. Смидовича, указавшего, что «активное политическое воздействие» на религиозные объединения может привести к противостоянию одних групп трудящихся другим («Правильно ли поймут?» Стоит ли Компартии брать исполнение административных функций на себя?) [9]. Собравшиеся Смидовича одернули («полное отрицание мер ... административного воздействия ведет к развязыванию ... антисоветских элементов»), хотя его замечания и были, в известном смысле, учтены при окончательном редактировании текста секретного циркуляра «О мерах по усилению антирелигиозной работы», выработанного по итогам состоявшегося обсуждения и после одобрения членами Политбюро (24 января 1929 г.) за подписью Л. Кагановича разосланного (14 февраля 1929 г.) на места [10]. Циркуляр, содержащий все общепринятые партийные оговорки по поводу осторожного отношения к верующим (не допускать рецидивов переоценки значения огульных, административно-политических, антиклерикальных методов борьбы с религией; при выборе способов преодоления религиозных влияний – различать низы и верхи, вожakov религиозных союзов и рядовых членов общин и др.), по сути своей, настаивал на принятии самых жестких мер в отношении конфессиональных структур, «нередко блокирующихся между собою, использующих легальное положение и традиционный авторитет церкви», мобилизующих реакционные и малосознательные элементы в целях наступления [11] на мероприятия советской власти и Коммунистической партии. В связи с этим Наркому Внутр. и ОГПУ давались прямые указания «не допускать никоим образом нарушения советского законодательства религиозными обществами, имея в виду, что религиозные организации ... являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы» [12].

Содержание циркуляра во многом предопределило дальнейший ход развития событий. Газета «Правда» в номере от 25 декабря 1928 г. подвергла критике тех

партийцев, которые думают, будто религия может отмереть сама, и призвала партийные комитеты не перекладывать ответственность за проведение антирелигиозной работы исключительно на Союз безбожников [13]. Начиная с конца 1929 г., партийно-государственные инстанции разного уровня безапелляционно заявляли, что церковно-православные и сектантские структуры «стоят за спиной кулака» и что именно поддержка церкви, превратившейся в центр притяжения реакционных элементов, увеличивает силы и идеологизирует частного в его противостоянии с советской властью (единый антисоветский фронт). Констатировалось, что церковь для сохранения остатков своего влияния в массах пытается спекулировать на пережитках национализма. На XVI партконференции (апрель 1929 г.) к контрреволюционным проявлениям были причислены «антисемитизм и элементы, не порвавшие окончательно с религиозными обрядами...». Принимается решение вывести представителей духовенства из состава деревенских партячеек. Религия при этом в партийно-советских документах характеризовалась не иначе, как антипролетарская идеология, а борьба на антирелигиозном фронте фактически отождествлялась с классово-политической борьбой [14], которую ведет труд против капитала во всемирном масштабе («выполняя заповеди религии, ты ... поддерживаешь классового врага») [15]. Утверждалось, что каналы религиозного влияния используются в качестве средства «подготовки к восприятию интервенции». Неудивительно, что ведение антирелигиозной работы было приравнено (решениями высших партийных инстанций: резолюция Секретариата ЦК РКП(б) от 28 мая 1926 г., продублированная впоследствии Бюро ЦК КП(б) Украины от 7 августа 1929 г., Секретариата ЦК КП(б) Белоруссии от 15 апреля 1929 г. и т.д.) к важнейшим партпоручениям [16].

Левацкие призывы немедленно начали воплощаться в жизнь. Антирелигиозная комиссия ЦК еще 13 июня 1928 г. приняла решение не разрешать проведение религиозных съездов чаще, чем один раз в три года. Предполагалось также добиться двукратного сокращения тиражей религиозных периодических изданий [17]. В декабре 1928 г. – Оргбюро ЦК, а в январе 1929 г. – Политбюро ЦК потребовали от

советских структур «изжить практику хозяйственного обслуживания» конфессиональных организаций, а «куспромсоюзам озаботиться о создании новых кустарных промыслов в районах изготовления предметов религиозного культа, иконописи и т.п.». Тут же руководством кооперации были даны указания на места о прекращении производства и продажи предметов религиозного культа. НКВД предписывалось отказывать религиозным общинам под тем или иным предлогом в аренде жилых и торговых муниципальных помещений, Госиздату – перестать печатать «мистику» и художественную литературу с ярко выраженным религиозным содержанием (в отношении классики – не допускать массового переиздания такого рода произведений). Комитету по делам печати были отданы распоряжения прекратить снабжать бумагой религиозные издательства. В 1929 г. профсоюз печатников отказался печатать в государственных типографиях религиозную литературу [18].

Постановлением ВЦИКа и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях (конкретизированного Инструкцией НКВД № 238 за 1 октября 1929 г. «О правах и обязанностях религиозных объединений» и Инструкцией ВЦИКа от 16 января 1931 г. «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» [19]) бытие религиозных общин было поставлено под абсолютный контроль государственных органов. Новое законодательство превращало конфессиональные объединения в разновидность резервации, закрывало для них выход в общество, ограничивая сферу их деятельности задачами удовлетворения сугубо культовых потребностей верующих. Выбранные делегатами съезда исполнительные органы правом юридического лица не пользовались, культовым имуществом владеть не могли, заниматься аккумулярованием денежных средств им не дозволялось. Отныне было запрещено без санкции властей проводить даже общие собрания прихожан. Разрешалось осуществлять добровольные денежные сборы (в храме и за его стенами), но только среди членов данного религиозного объединения и только на цели культа [20]. Устанавливать обязательные членские взносы, производить принудительные сборы средств на нужды

конфессиональных структур или в помощь бедствовавшим священнослужителям и членам их семей строго воспрещалось. Ограничивались до предела возможности организации религиозных шествий вне стен культовых зданий, совершения обрядов под открытым небом (требовалась подача заявления за 2 недели вперед). Исключение составляли лишь экстренные случаи, связанные с посещением умирающих (в больницах, местах заключения) и похороны. Был изменен порядок обязательной регистрации религиозных обществ. Через процедуру регистрации должны были в обязательном порядке проходить все без исключения члены «религиозных обществ» и «религиозных групп» [21]. Священнослужители, приглашенные коллективами верующих в качестве наемных лиц, допускались к исполнению своих обязанностей лишь при наличии официального регистрационного удостоверения. Контролирующие инстанции получали право отвода сомнительных, с их точки зрения, кандидатур из состава исполнительных органов религиозных организаций (которые избирались на общем собрании в составе 3 человек – для «общества» и 1 человека – для «группы») или же из состава «двадцатки» членов – учредителей. Постановление предусматривало возможность мотивированного изъятия культового здания (помещения) по постановлению губисполкома (ЦИК автономии) с правом обжалования решения местных органов во ВЦИК в течение 2 недель. Договор об аренде национализированных муниципальных или частных домов мог быть расторгнут до истечения срока в соответствии с судебным решением [22].

28.02.1929 г. ПБ постановило: «Внести на ближайший Съезд советов РСФСР предложение об изменении пунктов 4 и 12 Конституции РСФСР следующим образом: в конце параграфа 4-го слова «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами», заменить словами «свобода религиозных убеждений и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [23]. В мае 1929 г. формулировка ст. 4. Конституции РСФСР была изменена.

8 апреля 1929 г. при Президиуме ВЦИКа была создана специальная Постоянная комиссия по вопросам культов (во главе с П.Г. Смидовичем) [24]. Соответствующие

структуры появились и в большинстве регионов страны.

С начала 1931 г. (после упразднения союзно-республиканских НКВД и структур НКВД автономных республик) им была передана вся информация по религиозной тематике, накопленная в предыдущий период в НКВД. Комиссии должны были согласовывать и координировать политику всех ведомств, так или иначе связанных с религиозно-церковными вопросами, вести статистический учет, регистрировать жалобы верующих на незаконные действия местных властей и т.д. [25].

Практически сразу же после опубликования текста Постановления от 8 апреля 1929 г. во ВЦИК и НКВД посыпались пожелания (требования) местных органов власти и ячеек СВБ об изменении только что вступившего в силу законодательства о культах в сторону дальнейшего ограничения сферы деятельности конфессиональных объединений. Так, ЦС СВБ 8 января 1930 г. предложил (среди прочего) ввести арендную плату за пользование культовыми помещениями [26]. Административный отдел Леноблисполкома 21 февраля 1930 г. советовал сократить срок обжалования решений советских органов по поводу закрытия культовых зданий до 7 суток; запретить осуществление сборов добровольных пожертвований у прихожан на дому и «шествия с целью избавления от засухи»; принять меры для ликвидации церковных библиотек; предоставить административным органам право отвода из состава исполнительных органов религиозных объединений лиц, хотя и являющихся неимущими, однако же играющих (в силу своего религиозного фанатизма) роль «подставных лиц религиозных идеологов» [27]. Кроме того, местные органы требовали запретить молитвенные собрания вне церковных зданий (согласно постановлению от 8 апреля религиозные организации имели право, уведомляя власти, устраивать молитвенные собрания в помещениях, арендованных у частных лиц или местных советов), исключить возможность строительства новых церквей; создать максимальные затруднения для деятельности епархиальных учреждений, ограничить перемещения епископата, запретить съезды религиозных объединений как форму религиозной пропаганды или (по крайней мере) исключить из повесток дня религиозных форумов «неясные формулировки», вроде «перспективы религиозной деятельности» и «текущие дела» [28].

Таким образом, к концу 1927-го – началу 1930-х гг. сохранявшиеся до того момента (пусть даже теоретически) альтернативные варианты развития советского социума практически исчезают. С 1928–1929 гг.

происходят радикальные перемены во всех сферах общественной жизни. Свертыванию экономического НЭПа сопутствует (а в ряде случаев даже предшествует) свертывание НЭПа религиозного.

Литература

1. Комсомольская правда. 1927. 15 и 22 апр.
2. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп.3. Д.34. Л.315, 334-339 и др.
3. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 133.
4. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 324.
5. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 50.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. Л. 149; Известия ЦК КП(б)У. 1928. №10–11. С. 11.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 1, 28, 37, 45, 56, 58.
8. На заседании Ем. Ярославский прямо говорил о том, что рассматривает включение вопроса об антирелигиозной работе в повестку заседания Оргбюро как реализацию решений XV съезда ВКП(б). (РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 1–5; Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 22–31).
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 33, 37; Д. 871. Л. 24; Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 8–9.
10. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1999. М., 1999. С. 18–19.
11. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939 гг.: Документы и материалы. В 4 т. Т.2. (1923–1929 гг.). М., 2000. С. 819–830.
12. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.723. Л.2. 9–10; Оп.113. Д.691. Л.1; Д.871. Л.25; Оп.161. Д.13. Л.49–52.
13. РГАСПИ. Ф.17. Оп.32. Д.142. Л.15 и др.
14. Лозунг «Борьба с религией – это борьба за социализм» был сформулирован в 1922 г. Л.Д. Троцкий в статье «Положение республики и задачи рабочей молодежи».
15. ГА РФ. Ф.5407. Оп.1. Д.17. Л.870б.; РГАСПИ. Ф.М-1. Оп.3. Д.34. Л.333–335; Правда. 1929. 4 июля и др.
16. РГАСПИ. Ф.17. Оп.26. Д.26. Л.120, 132–134; Оп.21. Д.463. Л.119–120; Ф.89. Оп.4. Д.123. Л.67.
17. РГАСПИ. Ф.17. Оп.113. Д.871. Л.14–16.
18. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.723. Л.10; Оп.161. Д.13. Л.8; Рабочая газета (Москва). 1928. 21 дек.; Антирелигиозник. 1929. №6. С. 8, 33; Труд. 1929. 14 июня.
19. СУ. 1929. № 35. Ст.353; ГА РФ. Ф.5263. Оп.1. Д.6. Л.12–13; Бюллетень НКВД. 1929. №37.
20. Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сб. узаконений и распоряжений с разъяснениями V отд. НКЮ. М., 1923. С. 37–38.
21. Постановление 1929 г. предоставляло право пользования богослужебным имуществом религиозным «обществам» (свыше 20 постоянных членов) и религиозным «группам» (менее 20 чел.).
22. Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 153.
23. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период. С. 19.
24. С апреля 1934 г. по 1938 гг. в качестве правопреемника комиссии ВЦИКа выступала Постоянная комиссия по культовым вопросам при Президиуме ЦИКа СССР.
25. ГА РФ. Ф.5263. Оп.1. Д.6. Л.12-13; Оп.2. Д.1. Л.790б.; Одинцов М.И. Государство и церковь: история взаимоотношений, 1917–1938 гг. М., 1991. С. 31; СУ. 1929. №75. Ст.353.
26. Наука и религия. 1990. № 6. С.13.
27. ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 55. Л. 47–470б.
28. На пути к свободе совести. С. 47–48.

Сведения об авторе:

Макаров Юрий Николаевич, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и культурологии СГУТиКД (Сочи).